

Зондирование ценностной платформы византийской философии и ее послания для современной европейской ценностной ориентации. Очерк проблематики

Пружинец Т.,

к. ф. н., доцент,

Университет им. Константина Философа в Нитре, Словацкая Республика,

tpruzinec@ukf.sk

Аннотация: В предлагаемом исследовании представлена проблематика ценностной платформы византийской философии. Статью начинает полемика о самой возможности открытия этой темы. В целом внимание сфокусировано на границах и сложностях поиска ценностной платформы византийской философии и в то же время на поиске возможностей ее обнаружить. Внимание обращается также на область культуры и семантики понятийного аппарата. На первый план выходит размышление о философском выражении космоса, а также о том, что представляют собой термины «синергетический» и «экуменический». В заключение статьи высказываются некоторые предположения о важности ценностной платформы византийской философии для современной европейской ценностной ориентации и ее направления.

Ключевые слова: византийская философия, византийская культура, ценностная платформа, космос, человек, личность, закон, справедливость.

Вопрос о ценностной платформе

Анализ проблематики ценностной платформы византийской философии, покоящейся на византийском наследии и исходящей из него, является одновременно и отвагой современной философии и ее актуальной задачей. Это смелый поступок потому, что исследователь в этой области рискует споткнуться, ведь обработка смысла, содержания и аппарата византийской философии как таковой только начинается.

Польский ученый Магдалена Яворская-Волошинская, говоря о ситуации в польской среде, справедливо пишет: «...что касается Византии и ее культурного наследия, то пропагандируются и пользуются предпочтением прежде всего результаты в области литературы, истории, права, истории искусства и археологии, а между тем результаты философских исследований в значительной степени игнорируются»¹.

И в Словакии исследование византийской философии также находится в зачаточном состоянии, но, как отмечает известный словацкий философ, эксперт в области византийской философии Ян Зозуляк, «в последние годы выяснилось, что византийская философия играет незаменимую роль в истории европейской философской мысли, поэтому повышенное внимание ей начали уделять и в Словакии»².

Хотя византийская философия начала систематически исследоваться сравнительно поздно, на рубеже XIX — XX вв. (греческий историк философии В. Н. Татакис³ и французский историк философии Эмиль Брейе), и хотя ее профессиональная платформа была создана в Международном обществе по изучению средневековой философии⁴ только в 1975 г., следует все же отметить, что в прошлом веке было опубликовано значительное количество переводов византийских философов, исследований и статей, посвященных византийской философии.

Таким образом, если мы говорим, что анализ ценностей византийской философии является смелым почином для современной философии, мы имеем в виду открытую возможность рисковать, поскольку можем получить неполные и

¹ *Jaworska-Wołoszyn Magdalena. Przegląd badań nad myślą bizantyjską w Polsce [An Overview of Research on the Byzantine Thought in Poland] // Konštantínove listy / Constantine's Letters. 2017. 10/1. С. 12.*

² *Zozulák Ján. Štúdiu byzantskej filozofie v Európe a na Slovensku [The Research of Byzantine Philosophy in Europe and Slovakia] // Konštantínove listy / Constantine's Letters. 2017. 10/1. С. 9.*

³ В. Н. Татакис некоторое время учился и работал во Франции, где впервые опубликовал свой труд: *La Philosophie byzantine («Византийская философия»)* как часть издания „*L'Histoire de la Philosophie*“, автором которого был Эмиль Брейе (1949). Работа была опубликована в престижном издательстве Presses Universitaires France и была много раз переиздана. Этот труд до сих пор остается «пилотной монографией» (*Neupauer Eduard. Filosofie v Byzanci. Dvě metodologické studie. Západočeská univerzita v Plzni. Plzeň, 2011. С. 8*), «оригинальным и новаторским произведением по истории философского мышления Восточно-Римской (Византийской) империи» (*Zozulák Ján. Byzantská filozofia. Vydavateľstvá a nakladateľstvá Aleš Čeněk, s.r.o. Plzeň, 2017. С. 27*).

⁴ Международное научное общество с французским названием „*Société Internationale pour l'étude de la Philosophie Médiévale*“ (также известное как SIEPM) было основано в 1958 г. Одним из комитетов научного общества является Комиссия по византийской философии. В настоящее время ее координатором является Катерина Иеродиакону из *Афинского национального университета* имени Каподистрии (Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών).

несистематические результаты, которые скорее будут представлять фрагментарные разработки или незавершенные размышления. Такой риск, однако, является частью каждого научного исследования, и это справедливо также в отношении данной статьи. Следовательно, его следует рассматривать только как одну из попыток найти и обнаружить основную ценностную платформу византийской философии, как попытку, не дающую готовые ответы, однако открывающую саму тему или, скорее, вопрос. Тем не менее это указывает на то, что исследования в области византийской философии и, в частности, в области ее системы ценностей, являются актуальной задачей прежде всего потому, что современная Европа пытается обнаружить свои идейные и культурные корни, к которым часто апеллирует не только в идейном, но и в политическом дискурсе — либо с целью искреннего поиска и определения своей идентичности, либо для маскировки политических целей, когда участвует в политических играх. Однако решение проблемы ценностей в византийской философии является актуальной задачей также и потому, что европейское философское мышление нуждается в обоих легких — как в легких на Востоке, так и в легких на Западе. В этом смысле послание русского поэта и философа Вячеслава Ивановича Иванова о сближении Востока и Запада, которое он представил в знаменитом афоризме «дышать двумя легкими»⁵, — неизменно актуальное задание.

Ограничения и сложности в поиске ценностной платформы

При поиске и выявлении ценностной платформы византийской философии мы сталкиваемся с тем фактом, что византийская философия все еще находится в начальной разработке, хотя новаторские начинания, безусловно уже давно позади. Ян Зозуляк, на мой взгляд, справедливо констатирует: «Несмотря на новые сведения, доньше не удалось обстоятельно изучить и проанализировать византийское философское мышление и удовлетворительно ответить на вопрос, какого прогресса достигли византийские философы в свое время, чем обогатили философское мышление своих предшественников, в какой мере они повлияли на философское мышление европейских философов позже и каково было их влияние на сирийскую, арабскую,

⁵ Иванов Вячеслав: Собр. соч. Том 4. 1971–1987. Т. 3. Брюссель, 1987. С. 429. Эту экуменическую идею также подчеркнул Иоанн Павел II, ссылаясь на общность Византии и Рима в первом тысячелетии христианской истории (*Иоанн Павел II. Ut unum sint. Spolok sv. Vojtecha. Trnava, 1996. С. 65, čl. 54.*

латинскую и славянскую культуру»⁶. Действительно, то, что до настоящего времени не удалось детально исследовать и проанализировать византийское философское мышление, является фактом, который усложняет поиск ее ценностной платформы. Эти осложнения конкретизируем в следующих проблемных пунктах.

Необходимо осознать тот исторический факт, что византийская философия зарождалась поэтапно, как и сама Византийская империя, начиная с преобразования Восточной Римской империи в средневековую Византийскую империю, которая достигла кульминации своего развития в IX–XII вв. Сегодня можно констатировать как минимум три этапа: античный, ранневизантийский⁷ и византийский. Что касается философии, то необходимо проследить этапы ее развития в разные периоды. Существует множество периодизаций; дискуссия о более широком или более узком ограничении хронологии в научных кругах продолжается, о чем пишет Ян Зозуляк⁸. Необходимо серьезно учитывать сложность этой периодизации, «проблему ее датирования» и «различия в подходах к периодизации отдельных периодов развития философского мышления»⁹, которые еще больше усложняют осмысление ценностной платформы византийской философии. К осложнениям относится сам факт «неясности в понимании концептов *философия* и *философ*», что ставит под сомнение существование философии до XI века¹⁰. Многозначность понимания философии¹¹,

⁶ Zozul'ak Ján. Byzantská filozofia. С. 21.

⁷ Более подробно см.: *Острогорский Георг*. Geschichte des byzantinischen Staates. Verlag C. H. Beck. München, 1952. Здесь мы встречаем термин «довизантийский период», который Острогорский относит к 324–610 гг.

⁸ Zozul'ak Ján. Byzantská filozofia. С. 52–56 (*Milko Pavel*. Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. Řecké myšlení za hranicemi Byzance, 2.–8. století. Syrská tradice. Pavel Mervart. Červený Kostelec, 2009, с. 171–203). В этой связи также рекомендуем обратиться к периодизации, которую предлагает Павел Милко.

⁹ *Neupauer Eduard*. Filosofie v Byzanci. С. 9.

¹⁰ *Milko Pavel*. Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie, С. 109.

¹¹ Византийская философия в действительности многозначное и сложное явление. Ее можно понять как академическую дисциплину, однако в общем — и как христианское мышление, и - одновременно — как форму практической жизни. Для языческого мышления употреблялось значение «внешняя мудрость» (σοφία ἔξωθεν), или «смешанная мудрость» (σοφία θύραθεν).

многочисленность и разнообразие византийских философов¹², их разнородность, проблема самоопределения¹³, влияние многообразных ренессансных течений¹⁴, как и неравномерность развития самой византийской философии, разумеется, затрудняют исследования ее ценностной платформы. Следует также учитывать методологический и герменевтический уровни подхода. Мы должны принять во внимание тот факт, что невозможно предложить так называемый «правильный метод» к теме философии в Византии¹⁵. Возможно, правда, в последнюю очередь, затруднение исследования вызвано «филологизацией проблемы», которую очерчивает Э. Неупауэр¹⁶. Имеет место и сложность развития самого греческого языка и его семантические преобразования. Переоценивать эти обстоятельства нет необходимости¹⁷, но учитывать вышеупомянутые оговорки и трудности такого сложного явления, как византийская философия, нужно. В этом контексте можно задать ряд вопросов: возможно ли вообще определить ценностную платформу византийской философии, поскольку еще не

¹² Хотя византийская философия вдохновлялась аристотелизмом и неоплатонизмом, все же философские подходы и интерпретации были гораздо более плюралистичны. И у византийских философов находим разные подходы, начиная с философов неоплатонической афинской школы V в. (напр., Πρόκλος ὁ Διάδοχος, Прокл, прозванный Преемником), многочисленных более или менее значительных христианских философов VII в. (напр., Στέφανος ὁ Ἀλεξανδρεὺς, Стефан Александрийский), XI–XII вв. (напр., Μιχαὴλ Ψελλός, Михаил Пселл или его последователь в Константинопольском университете Ἰωάννης ὁ Ἰταλός, Иоанн Итал, Εὐστράτιος Νικαίας, Евстратий Никейский), XIII в. (напр., Ἰωσήφ Ῥακενδύτης, Иосиф Ракеднитис), XIII–XIV в. (напр., Θεόδωρος Μετοχίτης, Феодор Метохит), XIV–XV вв. (Γεώργιος Γεμιστός Πλήθων, Георгий Гемист Плифон) и многих других, даже до гуманистических подходов философов XV в. (напр., Μιχαὴλ Ἀποστόλιος αὐτοῦ Ἀποστόλης, Михал Апостолис; Ἰωάννης Ἀργυρόπουλος, Иоанн Аргиропул) и христианских защитников аристотелизма (напр., Γεώργιος Κοιρτέσιος Σχολάριος, Георгий Коуртесиос Схолариос, позже патриарх Γεννάδιος Β΄, Геннадий II).

¹³ В этой связи укажем, что под термином φιλόσοφος (или же во множественном числе φιλόσοφοι) в Византии подразумевали не только учителей философии и обычных профессоров философии, которые работали в императорском университете (исходя из современного понимания университета) и имели такие титулы, но также и профессионалов классического образования в целом, даже аскетов, которые были ценителями жизненной мудрости (подробнее об этом см.: *Milko Pavel. Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. S. 108–117.*)

¹⁴ Помимо более или менее видных философов разных периодов, необходимо принимать во внимание различные формы возрождения в смысле усиления восприятия древнего наследия, как например: первую волну гуманизма, или Македонский ренессанс (IX–XI вв.), вторую волну гуманизма, т. н. Комниновский ренессанс (XI–XII вв.), третью волну гуманизма, или *Палеологовский* ренессанс поздневизантийского периода (XIII–XIV вв.).

¹⁵ *Milko Pavel. Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. S. 65.*

¹⁶ *Neupauer Eduard. Filosofie v Byzanci. S. 68.* В этом контексте Э. Неупауэр делает интересный намек на саму герменевтику. Он пишет, что и первая часть третьей работы историка философии Ганса-Георга Гадамера „Истина и метод“ („Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik“ называется «Язык как средство герменевтического опыта» (с. 70).

¹⁷ *Neupauer Eduard. Filosofie v Byzanci. S. 69.*

удалось детально исследовать и проанализировать византийское философское мышление? Нет ли опасности прийти к чрезмерному обобщению? Нет ли риска искусственной универсализации сложного исторического, лингвистического и интеллектуального комплекса, который должен был бы изучаться скорее парциально?

Возможности выявления ценностной платформы

Если ответственно искать и выявлять ценностную платформу, которая была одновременно как краеугольным камнем, так и продуктом византийской философии, нам необходимо осознать социально-политическое и религиозное основание, на которой была построена византийская цивилизация, или же византийская культура. Выдающийся русско-югославский византолог Георгий Александрович Острогорский (срб. Георгије Острогорски) определил ее как синтез римской государственной формы, греческой культуры и христианской веры¹⁸. Чешский византолог и филолог Владимир Вавринек так прокомментировал дефиницию Острогорского: Острогорский «тем самым затронул три наиболее важные черты византийского общества». Вместе с тем он считает нужным «сделать акцент на том, что все эти компоненты действительно составляли целостное, органически связанное единство, в котором он и сливались и взаимообуславливали друг друга. Тем самым византийская цивилизация приобрела особую, своеобразную уникальность, которая своей монолитной цельностью создает впечатление застывшей неподвижности. Однако, - считает он, - это слишком одностороннее представление, и оно в некоторой степени вводит в заблуждение»¹⁹. Вавринек, таким образом, с одной стороны, подчеркнул факт уникальности византийской цивилизации, а с другой - выступил против теории оцепенения и неподвижности, за которую ее можно было ошибочно принять. Но правда в том, что для Византийской империи были характерны «приспособляемость» и «постоянный совет перемен»²⁰.

Оговорки и препятствия, которые мы представили выше, являются границей и одновременно верным маяком, сигнализирующим правильность/неправильность пути. В этом контексте мы обнаруживаем два факта. Во-первых, византийская философия исследовала те же темы, которые изучала (или же открыла) античная

¹⁸ См. сн. 7.

¹⁹ Vavřínek Vladimír. Úvod. In: Zástěrová, Bohumila et al. 1992 (переизд. в 1996). Dějiny Byzance. Academia. Praha, 1992. С. 7.

²⁰ Там же.

философия. Античная философия не внезапно закончилась, и византийская философия не внезапно началась. Мы говорим о бесспорном продолжении предшествующего мышления. В этом контексте Павел Милко утверждает, что византийская философия изучала те же темы, что и философия предыдущего периода, возможно, даже поставила вопрос о том, что такое человек²¹. Ян Зозуляк идет еще дальше, утверждая, что византийская философия занималась и другими темами, например, темой бытия и небытия и т. д.²² Во-вторых, это было христианское послание, и в частности богословие, которое определяло общую направленность византийской философии, при том, что это не значит, что византийская философия не должна была быть автономной и независимой от богословия²³. И в этой связи мы согласны с Милком, который напоминает, что, например, триадологические и христологические споры отточили философскую терминологию, например: *οὐσία, ὑπόστασις, φύσις, πρόσωπον*²⁴. Оговорки и трудности, которые мы отметили выше, не должны служить преградой для того, чтобы предпринять хотя бы осторожную попытку обнаружения или обобщения ценностной платформы, даже если речь идет только о скромном постулировании некоторых исходных позиций. Ценностная платформа византийской философии, собственно говоря, убедительно отражала вышеупомянутый синтез римской государственной формы, греческой культуры и христианской веры. Несмотря на то что Византийская империя испытала серьезные кризисы, она имела силы и возможности им противостоять и благодаря своим основаниям сохранить единство.

Культура и семантика понятийного аппарата

При обнаружении ценностной платформы следует осознать тот факт, что византийская культура имеет свой собственный «*sui generis*, который представляет своеобразный культурный тип»²⁵. Следует осознать, что, как верно утверждает Кирилл Диатка, «христианство было в Византийской империи культурой»²⁶. Христианство

²¹ *Milko Pavel. Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. С. 105.*

²² *Zozulak Jan: Inquiries into Byzantine Philosophy. Peter Lang Publishing, 2018. С. 37–50.*

²³ В этом контексте можно вспомнить многочисленность византийских философов, разнообразие их методов и проблему самого определения философов и философии, как мы писали выше (см., например, сн. 11, 12).

²⁴ *Milko Pavel. Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. С. 107.*

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ *Diatka Cyril. Cesta // Tradícia a prítomnosť misijného diela sv. Cyrila a Metoda. Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. Nitra, 2013. С. 594.*

было культурой и в других частях Европы, которую оно формировало и приносило свои ценности. В особенности это касалось Византии, как пишет Вацлав Ежек: «Элементы византийской культуры и византийского мышления появляются в других культурах, но Византия уникальна тем, что предоставила „системный“ контекст для развития культуры»²⁷. Культура оказывала влияние на частную и общественную жизнь. Владимир Вавринек утверждает, что «то, что объединяло византийское общество, что определяло принадлежность к нему, это была его культура, которую лучше всего можно характеризовать как греческую по форме и христианскую по содержанию. Если бы византиец²⁸ должен был отвечать на вопрос о его происхождении или его принадлежности, он сначала сказал бы, что он *Romaïos* — римлянин²⁹, гражданин Римской (то есть Византийской) империи³⁰, и что он *christianos orthodoxos* — православный христианин. Эти две ценности были решающими с византийской точки зрения, и они представляли самую суть этой цивилизации»³¹. Такая интерпретация соотношения христианства и культуры облегчает нам путь к пониманию самой ценностной платформы византийской философии. Ведь «духовность византийского общества представляет собой системный контекст, в котором философия развивается и в то же время выполняет ожидаемые функции»³². Когда в журнале „Revue des Études Grècques“ Поль Лемерль рецензировал работу Татакиса „La philosophie byzantine“, он процитировал его сразу же в предисловии: «Византийская философия — это одна форма: христианская форма греческой мысли, греческого разума и греческой души»;

²⁷ Ježek Václav. Budoucnost byzantologie v kontextu myšlení S. S. Averinceva // Synergia. Časopis venovaný byzantským dejinám, kultúre a teológii, 2009. 5 / N°1. С. 32.

²⁸ Наименование, которое западные авторы традиционно использовали для обозначения граждан Римской империи.

²⁹ Sg. *Ῥωμαῖος*, pl. *Ῥωμαῖοι*. Граждане Римской империи и далее Византийской империи назывались *римлянами*. Так называемые *византийцы* считались наследственными продолжателями Римской империи. В связи с кларификацией и семантикой терминологии Владимир Вавринек справедливо пишет: «Византия <...> — это название, которое было создано в результате современных исторических исследований. Наименование было образовано от названия древнегреческого поселения Byzantion, на месте, где император Константин Великий основал новую столицу империи, названную в его честь: гр. *Konstantinupolis* (лат. *Constantinopolis*) — город Константина. Жители империи, которую сегодня называют *Византийской*, этим названием не пользовались и себя с ним не соотносили. Для них это была неизменно Римская империя, и они называли себя *римлянами*» (*Vavřínek Vladimír. Úvod // Zástěrová Bohumila et al. 1992 (dotlač 1996). Dějiny Byzance. С. 7.*

³⁰ Греческое официальное название для Римской империи было *Ῥωμαϊκή Αυτοκρατορία*, lat. *Imperium Rōmānum*. Использовалось и неофициальное выражение — *Империя римлян* (*Ἀυτοκρατορία τῶν Ῥωμαίων*).

³¹ *Vavřínek Vladimír. Úvod // Zástěrová Bohumila et al. 1992 (dotlač 1996). Dějiny Byzance. Academia. Praha, 1992. С. 11.*

³² *Neupauer Eduard. Filosofie v Byzanci. С. 11.*

затем прокомментировал это высказывание: «Таким образом, с самого начала читатель уведомлен, что речь идет не столько о философии в широком понимании, сколько о философии религиозной, а точнее — христианской»³³. Но то, что изучение византийской философии непременно провоцирует и культурологические исследования, дает возможность преодолеть и конфессиональную, и позитивистскую точки зрения³⁴.

Что мы имеем в виду, когда утверждаем, что христианство в Византии было культурой? По словам Эриха Мистрика, мы имеем в виду «ценности, нормы, человеческое восприятие технологий, материалов, приемов <...> Культура — это смысловые и ценностные аспекты жизни общества»³⁵. Христианство в Византийской империи формировало (в культурологии соответственно — культивировало) или же облагораживало литературу, изобразительное искусство, технику и всю общественную, политическую, правовую, экономическую и интеллектуальную жизнь, не устранив наследия античности. Как раз наоборот. Византийство следует понимать как «диалог классической утонченности и христианской культуры»³⁶. Несомненно, христианство культивировало византийское философское мышление в связи с античным наследием. Конечно, у каждой цивилизации есть своя социальная, культурная и интеллектуальная память, и эта память завязана на истории. Следовательно, византийское философское мышление закономерно стало наследником древнегреческого; позаимствовало понятийный и семантический аппарат, который в дальнейшем развивался, изменялся и обновлялся в зависимости от времени. Терминология развивалась, изменяясь не только семантически, но и философско-аксиологически, особенно благодаря применению христианского послания.

В качестве примера приведем термин *космос* (*ὁ κόσμος*). Не будем подробно анализировать его значение и применение в античной философии, обратим лишь внимание, что смысл этого термина был разным у эпических поэтов и философов. Выделим только те факты, которые весьма показательны в связи с христианством. Термин *космос* обычно использовался в древнегреческой натурфилософии для

³³ Lemerle Paul. Tatakis (Basile). La philosophie byzantine (Histoire de la Philosophie, par E. Bréhier, deuxième fascicule supplémentaire). Paris: Presses Universitaires de France, 1949. In 8°, VIII + 323 p. Prix. 480 fr. In: Revue des Études Grecques. T. 64. Вып. 299–301. Janvier — juin 1951. С. 388.

³⁴ Neupauer Eduard. Filosofie v Byzanci. С. 14.

³⁵ Mistrík Erich. Kultúra. Culture // Mistrík, Erich et al.: Kultúra a multikultúrna výchova. Culture and Multicultural Education. Iris. Bratislava, 1999. С. 28.

³⁶ Neupauer Eduard. Filosofie v Byzanci. С. 35.

обозначения мира, мирового порядка, устройства мира³⁷. Он часто используется (в форме глагола *κόσμέω*) при описании текущей гражданской и военной деятельности, т.е. вне философии. С его помощью обозначается стрела, которой стреляют из лука, или построение и упорядочение войска. Когда речь идет о действии, этот термин предполагает «порядок», он употребляется и в эстетике: «украшение»³⁸ или «дисциплина»³⁹. В философии этим же термином обозначался «естественный порядок вселенной», «расположение всех вещей, в котором каждая природная сила имеет свою функцию и свои границы», так что «естественный мир считался аналогичным хорошей организацией общества»⁴⁰. В древнегреческой натурфилософии мы также можем обнаружить термин *ὁ κόσμος* как синоним *ὁ οὐρανός* (небу или небесному пространству, небесному порядку, звездным системам). У Гераклита космос понимается как «полный организованный цикл элементарных и витальных трансформаций»⁴¹. Концептуальную основу для философского мышления раннегреческой натурфилософии образовал милетский взгляд на природный мир как на организованную систему⁴². Из концепций поздних милетских философов природы исходили Пифагор и его школа. Пифагор наделял космос гармонией, и его строительным материалом считал числа. Гармония означала «единство множественности и общей согласованности того, что не является согласованным <...> «Гармония, - по мнению пифагорейцев, - должна была быть душой мира»⁴³. Однако, в отличие от Милета, Пифагор и его школа не искали тайну мира в праматерии или в празаконе⁴⁴. Вполне понятно, что в эллинизме, который национальную особенность философии заменил космополитическим созерцанием, космос мыслится как «совокупность упорядоченного мира в целом» и вместе с логосом и эросом является ключевым понятием философии⁴⁵.

В более ранней греческой философии *космос* понимался также как сцена, на которой разыгрывалась человеческая жизнь; к тому же он имел социально-

³⁷ Kahn Charles H. Užití termínu ΚΟΣΜΟΣ v rané řecké filozofii // Kosmos a živly. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ. Edice PomFil. Praha, 1992. С. 9–10.

³⁸ Позже и римляне переводили *κόσμος* как *tundus* — украшение (там же. С. 13).

³⁹ Там же. — С. 10–11.

⁴⁰ Там же. — С. 12–13.

⁴¹ Там же. — С. 14–15.

⁴² Там же. — С. 20.

⁴³ Legowicz Jan. Prehľad dejín filozofie. Základy doxografie. Preložila Anna Varsiková. Obzor. Bratislava, 1973. С. 68–69.

⁴⁴ Störig Hans Joachim. Malé dějiny filozofie. Preložili Rezek, Petr — Petříček, Miroslav — Šprunk, Karel. Zvon. České katolické nakladatelství. Praha, 1992. С. 99.

⁴⁵ Там же. — С. 142.

экономическое и социально-антропологическое значение, обозначая жилища людей или человеческий мир, что несет в себе выразительный исторический аспект.

В христианской философии значение слова *космос* приобрело другой масштаб. С приходом Христа в человеческую жизнь путем воплощения Слова это Слово получило эпохальную ценность. В христианстве космос больше уже не предполагает организованную систему, порядок и стройность и не является обозначением жилища людей ли, человечества, человеческого мира, как не соотносится и со сценой земной истории. Космос — это пространство, в котором искупительно, спасительно действует Бог. Бог входит в историю мира, в историю человека, преображая тем самым историю мира и историю конкретного человека в свою историю. Для греческого мира и впоследствии для византийского мышления наступает эра совершенно новой интерпретации космоса. Противопоставление Бога и космоса благодаря Христу не только преодолено, но, более того, в философии космос становится центром Божьего действия. Христос олицетворяет единство видимого (*κτιστό*) и невидимого (*ἀκτιστό*). Природа, мир и его история, животный мир, мир людей и мир духов заключены в одном понятии — *космос*. Это очевидный пример того, как изменилось содержание классической античной терминологии, вобравшей в себя новую культуру мысли, сформированную христианским посланием. Греческий язык и его понятийный аппарат начали выражать новую, христианскую ментальность. Философски и теологически термин *космос* мы могли бы соотнести с понятием *всеобъемлемость*. Космос философской мысли означает примирение с Богом, спасение воспринимается как космическая величина; космос является частью Божьего Царства, потому что драма искупления была сыграна в космосе, и эта драма восторжествовала. Выражаясь теологически, Царство Божие пришло — и Бог царствует. Эта аксиома нашла отражение в идеологическом обосновании самой Византийской империи. Владимир Вавринек справедливо констатирует, что «Византийская империя хотя бы в теории и своих претензиях /.../ является или, по крайней мере, должна быть земным образом Царства Небесного»⁴⁶. В философии такая позиция способствовала появлению иной интерпретации космоса. Тот факт, что Бог вошел в мир, создал оптимистическую перспективу на будущее. Византийская империя, построенная по образу Царства Небесного, *продуцировала позитивный подход к жизни*. Христианство акцентировало

⁴⁶ Vavřínek Vladimír. Úvod // Zástěrová, Bohumila et al. 1992 (переизд. 1996). Dějiny Byzance. С. 14.

целостное понимание жизни, тем самым и философски поддержав холистический принцип, который практически существовал до образования единства человека, природы, общества и космоса. Революционное философское послание в этом контексте находим в начале Евангелия от Иоанна. Бог - это *ὁ Λόγος* (Слово), без которого ничто не начало быть, что начало быть: «*Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος. οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν θεόν. πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν. ὁ γέγονεν*»⁴⁷ (КАТА ΙΩΑΝΝΗΝ, 1, 1–3). Все возникло посредством Логоса: «*Πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο*», и дальше, следовательно, посредством Логоса возник космос: «*/.../ ὁ κόσμος δι' αὐτοῦ ἐγένετο...*»⁴⁸ (КАТА ΙΩΑΝΝΗΝ, 1, 10). Бог-Логос (*ὁ Λόγος*) принял мир, физически вошел в него, чтобы в нем пребывать: «*Καὶ ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν, καὶ ἐθεασάμεθα τὴν δόξαν αὐτοῦ, δόξαν ὡς μονογενοῦς παρὰ πατρός, πλήρης χάριτος καὶ ἀληθείας*»⁴⁹ (КАТА ΙΩΑΝΝΗΝ, 1, 14). Этот греческий текст свидетельствует нам, что космос имеет ценность для Бога. Текст «*ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο*» свидетельствует ту истину, которую можно считать эпохальной и которая еще больше конкретизирует, в чем именно заключается ценность мира: Бог (*ὁ Λόγος*) стал плотью, что по-гречески выражено именем существительным *мясо* (*ἡ σὰρξ*). Это означает, по крайней мере, две вещи. Во-первых, Бог вошел в реальность, которую принято называть преходящей, стал «мясом человека», приняв тем самым условия материального преходящего человека. Во-вторых, Бог этим признал ценность человека, и даже больше, признал ценность временного и слабеющего человеческого тела. Этот *позитивный подход к человеческому телу и телесности* нужно интерпретировать не столько с точки зрения эстетической декорации, сколько в значении ценности человека

⁴⁷ «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Библия 1994, с. 111). «In the beginning was the Word, and the Word was God. He was in the beginning with God; all things were made through him, and without him was not anything made that was made» (КАТА ΙΩΑΝΝΗΝ // The Greek-English New Testament. Deutche Bibelgesellschaft Seventh edition. Stuttgart, 1993. С. 247).

⁴⁸ «Все чрез Него начало быть /.../ мир чрез Него начал быть...» (Biblia 2008, с. 96). «<...> all things were made through him /.../ the world was made through him...» (КАТА ΙΩΑΝΝΗΝ // The Greek-English New Testament, с. 247).

⁴⁹ «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Библия 1994, с. 111). «And the Word became flesh and dwelt among us, full of grace and truth; we have beheld his glory, glory as of the only Son from the Father» (КАТА ΙΩΑΝΝΗΝ. In: The Greek-English New Testament, с. 247).

и его тела и телесности в целом. Добавим, что Бог признал ценность как человеческого тела, так и души человека⁵⁰.

Вышеуказанные интерпретации для римского и греческого мышления не были удобопонятными. Монотеистическая реальность, единый Бог, Который входит в мир и Любовь Которого превышает все, Бог, Который ценит человека и его телесность, берет на себя его боль и умирает за него — все это было для греков трудноприемлемым парадоксом. Потому в Первом послании к коринфянам апостол Павел заявил, что это послание было для греков, которые «ищут мудрость» (*Ἕλληνας σοφίαν ζητοῦσιν*) для себя и для многих народов, — «юродством», сумасшествием (*ἔθνεσιν δὲ μωρίαν*)⁵¹, следовательно, речь идет о том, что не удастся постичь рационально.

Разумеется, эти соображения открыли путь к новому определению человека, его значению и величю. Позднее, в контексте византийских богословских диспутов, в частности, триадологических вопросов, тема человека (*ὁ Ἀνθρώπος*) как личности (*τὸ πρόσωπον*)⁵² вышла на первый план, а впоследствии произошла относительно сложная рекодификация термина *человек*.

И византийская пайдея (*ἡ παιδεία*) сосредоточилась на формировании человека, на его становлении как личности и на его духовном росте посредством духовных упражнений⁵³. Теологические вопросы о сущности и соотношении трех личностей Бога были также отражены в философско-антропологических и антрополого-педагогических вопросах, которые вели к раскрытию *концепции взаимоотношений человека в практической жизни*, что можно рассматривать как большой ценностный вклад византийского мышления. У греков человек был субъектом права и закона, и уже с античности акцент ставился на воспитании гражданина, его свободе, справедливости, общественной деятельности и на вещах противоположных, таких, как бесправие, несправедливость, несвобода. Эти темы не были для византийского мышления чем-то

⁵⁰ Zozulák Ján, Valčo Michal. Byzantine Philosophy of the Person and its Theological Implications. Bogoslovni vestnik/Theological Quarterly 78 (2018) 4. С. 1037–1049.

⁵¹ ΠΡΟΣ ΚΟΡΙΝΘΙΟΥΣ Α// The Greek-English New Testament. Deutche Bibelgesellschaft Seventh edition. Stuttgart, 1993. С. 442.

Некоторые тексты предлагают «для греков юродством», «Ἕλλησιν δὲ μωρίαν». Первоначальный текст, однако, подает «для народов — юродством» (*ἔθνεσιν δὲ μωρίαν*), что имплицитно включает и греков.

⁵² Отметим, что первоначально слово *τὸ πρόσωπον* означало как *обличье, лицо*, так и *маску* или же *маску для лица*.

⁵³ Milko Pavel. Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. С. 78–86.

новым. Это легко можно увидеть в греческом праве⁵⁴. Христианство и его применение в социальной, политической и религиозной системе Византийской империи, однако, наделило человека как личность ценностью неповторимого и уникального существа, о котором нужно заботиться «здесь и сейчас». Это - существенный элемент предельности, того, что является самым дальним, последним, наивысшим — *ἔσχατος*. Личность человека — это существо, которое живет «здесь и сейчас», а также «там и потом», и поэтому забота о личности человека, о его развитии, реализации и его защите являются частью его ценности⁵⁵. По этой причине пайдея приобрела новое значение — воспитание ценностей и право как реализация этих ценностей.

Послание для современной европейской ценностной ориентации и ее направления

В своей книге «Византийская философия» Ян Зозуляк четвертую главу посвящает столкновению античной философии и христианской мысли. Автор пишет, что «столкновение эллинизма и христианства принесло положительные результаты для прогресса обеих систем мышления, поскольку эллинизм предоставил византийским авторам средства и понятия для точного формулирования основных истин христианской веры, а христианство вдохнуло новый дух в греческое философское мышление, чем создало возможности для нового философского поиска истины»⁵⁶. Пример столкновения античной философии и христианской мысли, который произошел в Византии, может служить примером современных европейских преобразований. Столкновение европейских философий и культур — восточной и западной, северной и южной, евроатлантической и балканской и т. п. - , и мы могли бы сказать, что в целом конфликт разных форм инаковости, пересекающей европейское пространство, не обязательно интерпретировать непременно в значении опасений и угроз, поначалу даже кажущихся катастрофическими. В перспективе происходит

⁵⁴ Tomsa, Bohuš: *Idea spravedlnosti a práva v Řecké filosofii*. Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, s.r.o. Reprint původního vydání z roku 1923. Právnická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave. Bratislava/Plzeň, 1923/2007.

⁵⁵ В связи с эсхатологическим измерением, частью которого является человек, можно привести комментарий Вацлава Ежека к книге советского и русского византиста и слависта Сергея Сергеевича Аверинцева «Эволюция философской мысли» (Культура Византии. IV — первая половина VII в. — М.: Наука, 1984. — С. 42–77): «Для Аверинцева Византия имела вневременные рамки, и это потому, что ценности византийской культуры имели вечное и эсхатологическое измерение. Не в том смысле, что элементы византийской культуры были неповторимыми или уникальными, но потому, что Византия предлагала системность, которая обладает эсхатологическими качествами» (Ježek, Václav: *Budoucnost byzantologie v kontextu myšlení S. S. Averinceva*, с. 32).

⁵⁶ *Zozulák Ján. Byzantská filozofia*. С. 70.

обогащающий взаимообмен. Если разграничение отношений, например, политических, экономических, культурных и социальных не нарушает гармонии целого, а скорее культивирует его, то дифференциация Европы может стать ее богатством. Если многообразие целого больше, чем украшение, являясь пространством для динамики мышления и здоровой конфронтации, то дифференциация может содержать значительную силу сотрудничества в разнообразии и в конкретном оформлении, — в партнерстве. В этом смысле мы также можем понимать и значение синергии⁵⁷ как византийского послания современной Европе, которое может иметь для нее ценностное значение. Кирилл Диатка в этом отношении мыслит глубоко прагматично и этично: «Европа в культурно-историческом смысле — это целое, хотя и внутренне дифференцированное. Правильное понимание этих различий, если мы знаем их причины, может нас привести к осознанию более тесного сотрудничества и избавить от груза различных властно-политических комбинаций и инструментов принуждения. Сознание того, что мы формируем определенное целое, необходимо и желательно для каждого шага вперед»⁵⁸. Целое рождается и закрепляется именно в упомянутом *продолжении (continuatio)*, которое естественно должно было бы возникать в социальной, культурной и интеллектуальной памяти. Изменения и развитие как естественный факт творчества не должны уничтожать европейское наследие, напротив, они могут непрерывно продолжаться и становиться сильным объединяющим элементом европейской идентичности и взаимосвязи. Европейская идентичность может формироваться многообразно, а сама Европа может реализоваться как единство, связывающее множественность. В этом смысле византийское мышление может служить примером. У него было то, что сегодня называем «экуменической чертой», которая была построена именно на синергии. Греческое выражение *οἰκουμένη γῆ* можем перевести как *обитаемый мир*, или же, свободнее, как *человечество на земле*. Этимология слова связана с глаголом *οἰκέω*, который переводится как «жить», а от него образовано существительное *ὁ οἶκος* - *общее жилище, общий дом или хозяйство*. Далее

⁵⁷ Слово *συνεργία* сочетается с *σύν* (*вместе, с, со, все целиком* и т. д.) и *τό ἔργον* (*произведение, начин, дело* и т. д.). Глагол *συνεργεῖν*, который означает «в работе помогать», «в работе поддерживать», имеет глубокую мыслительную ценность и ссылается на важность сотрудничества или совместной работы. Слово «синергия» проникло в западноевропейскую среду довольно поздно; это было заслугой французского лексикографа Эмиля Литтре, который впервые использовал его в 1873 г. в этимологическом, грамматическом и историческом словаре *Dictionnaire de la langue française par Émile Littré. Tome quatrième Q–Z. Librairie Hachette et Cie. Paris/Londres, 1874*, который также известен под названием *Le Littré*.

⁵⁸ Diatka, Cyril: *Cesta*, с. 597.

выражение составлено из существительного *ἡ γῆ*, земля, страна или империя. Следовательно, прилагательное «экуменический»⁵⁹ можем понимать как действительность, которая имеет универсальный характер, применяющийся в синергии. Экуменический характер подчеркивает всесторонность, следовательно, категории, которые имеют общую ценность, идеи ценностей, которые не знают границ, пересекают их и предназначены для всех жителей земли. «Экуменический» не означает «международный» или «межкультурный», а скорее — «транснациональный» и «транскультурный», который никоим образом не отменяет особенности местных, региональных или национальных культур и богатств. «Экуменический» означает тот факт, что все люди приглашены к тому, чтобы вместе населять общий дом и сотрудничать в нем; следовательно, подчеркивает ценности, которые выходят за пределы расовых, культурных, исторических, социальных, экономических, политических и религиозных границ. Экуменический смысл включает также *universitas* — целое как ценность для всех и во все времена. Византийская империя стала «посредником в обмене культурными ценностями»⁶⁰, а не его тормозом. Кризисы и коллизии, в частности кризис христианства в межкультурном контексте, еще не должны были означать распад. Наоборот, это может быть вызовом, благоприятным временем — *kairos*⁶¹, которое можно правильно и в подходящий момент схватить и в котором можно вести себя синергетически. Позволим себе утверждать, что в Византии противоположностью веры (*ἡ πίστις*) были не наука (*ἡ ἐπιστήμη*), специальное познание, поиск и исследование, о чем также свидетельствует сама словесная близость выражений; противоположностью веры был скепсис и скептическое (*σκεπτικός*).

⁵⁹ Позднее и нынешнее значение слова «экуменический» появилось только в XIX в. в христианском движении, стремящемся к единству церкви. В этом значении слово «экуменический» впервые было использовано во время встречи Евангелического альянса в Лондоне в 1846 г. Автором нынешнего значения этого слова был протестантский французский пастор Адольф Луи Фредерик Теодор Монод. Однако нужно отметить, что уже в древнегреческом различались слова «универсальный» и «экуменический». Если древние греки хотели назвать вещи и факты «универсальными», т. е. чем-то, что является «целым» или «целиком», «каждый» и «все целиком», или хотели указать на все как на одну группу, тогда употребляли либо *ἅπασ*, либо *σῦμπας*.

⁶⁰ *Zozulák Ján. Štúdium byzantskej filozofie v Európe a na Slovensku. S. 8.*

⁶¹ Слово *kairos* заимствовано из греческой мифологии и из триады главных концептов времени: Хронос (*Κρόνος*), Кайрос (*Καῖρός*) и Айон (*Αἰών*). Кайрос был античным богом. У него была некая физическая особенность: клочок волос на голове. Когда люди встречали Кайроса, они оказывались в трех ситуациях: они его не видели; они его видели — и ничего не делали; либо видели его — и в нужный момент схватили за пучок волос, чтобы больше не отпускать. Последняя ситуация выражает смысл того, что представляет собой Кайрос: поймать шанс в удобный момент и в подходящее время не упустить его.

Ценностная платформа византийской философии опиралась именно на вышеупомянутых позициях, даже если они и не были напрямую ее столпами⁶².

Выводы

Как уже было указано в начале этой статьи, предметную рефлексию нужно рассматривать только как одну из попыток поиска и обнаружения основной ценностной платформы византийской философии. Представленная рефлексия является скорее попыткой раскрыть сам вопрос об этой платформе, стимулом к поиску ее более глубокого смысла. Вероятно, еще рано определять компоненты ценностной парадигмы, поскольку многие работы самих византийских философов еще только ждут переизданий и последующего философского анализа. Однако не поздно наметить темы византийской философии, ее контуры, как это делает Ян Зозуляк⁶³, и, исходя из этого, сделать первые выводы. Систематическая рефлексия, размышления о византийской ценностной платформе уместны. Необходимо ее исследовать и не бояться первых шагов, даже если придется споткнуться или, хуже того, упасть, что также может быть одним из случаев изложенной выше рефлексии. Луциан Климса совершенно справедливо пишет: «Античная традиция гласит: в первую очередь, все вещи должны быть взвешены, чтобы показать свою ценность. Они и покажут ее некоторое время спустя»⁶⁴. Так и в случае с этой статьей. Ее автор выражает пожелание, чтобы исследования византийской философии становились все более динамичными, чтобы у нас, как у исследователей, была смелость и взвесить то, что знаем еще только фрагментарно, и обдумать то, что еще не полностью исследовано, а также чтобы у нас было мужество открывать и рефлексировать по поводу «духовных традиций» и «исторической преемственности», в которых можно найти «прочные ценности»⁶⁵.

Статья была написана в рамках научного проекта Министерства образования Словацкой Республики APVV-16-0116 под названием «Зондирование в ценностной платформе византийской философии и ее послания для современной европейской

⁶² В этом контексте обращаем внимание на статью «Взаимодействие философии и естествознания в Византийской империи» (Zozulak Jan. Interaction of philosophy and natural sciences in Byzantine Empire // Komunikácie / Communications. 2018. №3. Vol. 20. 1A. С. 8–15).

⁶³ Zozulak Jan. Inquiries into Byzantine Philosophy. Peter Lang Publishing, 2018. С. 37–50.

⁶⁴ Klimsza Lucjan. Hermeneutická etika hodnot. Ostravská univerzita v Ostravě. Universitas ostravensis. Pedagogická fakulta. Ostrava, 2013. С. 135.

⁶⁵ Diatka Cyril. Cesta. С. 596.

ценностной ориентации. Очерк проблематики». Все примеры с иностранных языков в этой статье являются авторскими.

Литература

Аверинцев С. С: Эволюция философской мысли // Культура Византии. IV — первая половина VII в. — М.: Наука, 1984. — С. 42–77.

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва: Российское библейское общество, 1994.

ΠΡΟΣ ΚΟΡΙΝΘΙΟΥΣ Α. // The Greek-English New Testament. Deutche Bibelgesellschaft Seventh edition. Stuttgart, 1993.

ΠΡΟΣ ΚΟΡΙΝΘΙΟΥΣ Α. // The Greek New Testament. Fourth revised edition. Dictionary. Deutche Bibelgesellschaft. United Bible Societies. Institute for New Testament textual research. Stuttgart/Münster, 1994.

Delfová Hanna — Georg-Lauerová, Jutta — Hackeneschová, Christa — Lemckeová, Mechthild. Lexikón filozofie. Preklad Ladislav Kiczko. Vydavateľstvo Obzor. Bratislava, 1993.

Devambez Pierre — Schuhl, Pierre-Maxime — Flacelière, Robert: Lexikon gréckej civilizácie. Preložili Soňa Hollá, Viera Štetinová. Tatran. Bratislava, 1997.

Diatka Cyril. Cesta. In: Tradícia a prítomnosť misijného diela sv. Cyrila a Metoda. Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. — Nitra, 2013. — С. 593–597.

Dictionnaire de la langue française par Émile Littré. Tome quatrième Q–Z. Librairie Hachette et Cie. Paris/Londres, 1874.

Dictionnaire français-grec composé sur le plan des meilleurs dictionnaires français-latins et enrichi d'une table des noms irréguliers, d'une table très complète des verbes irréguliers ou difficiles et d'un vocabulaire des noms propres / par MM. Alexandre, Planche et Defauconpret. Librairie de L. Hachette et Cie. Paris, 1861.

Dictionnaire français-grec suivi d'un vocabulaire des noms propres, par Eugène Talbot. 13e édition. Delalain frères, successeurs. Paris, 1894.

Иванов Вячеслав. Собр. соч. Том 4. 1971–1987. Т. 3. [Том 4. 1971–1987. Т. 3]. Брюссель, 1987.

Ján Pavol II. Ut unum sint. Spolok sv. Vojtecha. Trnava, 1996.

Jaworska-Wołoszyn Magdalena: Przegląd badań nad myślą bizantyjską w Polsce [An Overview of Research on the Byzantine Thought in Poland]. In: *Konštantínove listy / Constantine's Letters*, 10/1, 2017, c. 12–24.

Ježek Václav. Budoucnost byzantologie v kontextu myšlení S. S. Averinceva // *Synergia*. Časopis venovaný byzantským dejinám, kultúre a teológii. 2009. 5/N°1. C. 27–37.

KATA ΙΩΑΝΝΗΝ // *The Greek-English New Testament*. Deutsche Bibelgesellschaft Seventh edition. Stuttgart, 1993.

KATA ΙΩΑΝΝΗΝ // *The Greek New Testament*. Fourth revised edition. Dictionary. Deutsche Bibelgesellschaft. United Bible Societies. Institute for New Testament textual research. Stuttgart/Münster, 1994.

Kahn Charles H. Užití termínu ΚΟΣΜΟΣ v rané řecké filozofii. In: *Kosmos a živly. ΟΙΚΟYΜΕΝΗ*. Edice PomFil. Praha, 1992.

Klimsza Lucjan. Hermeneutická etika hodnot. Ostravská univerzita v Ostravě. Universitas ostravensis. Pedagogická fakulta. Ostrava, 2013.

Lemerle Paul. Tatakis (Basile), *La philosophie byzantine* (Histoire de la Philosophie, par E. Bréhier, deuxième fascicule supplémentaire). Paris, Presses Universitaires de France, 1949, In 8°, VIII + 323 p. Prix. 480 fr. // *Revue des Études Grecques*, tome 64, fascicule 299-301, Janvier-juin 1951. C. 388–391.

Latinsko-slovenský slovník. Dictionarium latino-slovacum. Zostavovateľ Július Špaňár. Slovenské pedagogické nakladateľstvo. Aedes paedagogicae slovacae. Bratislava, 1983.

Legowicz Jan. Prehľad dejín filozofie. Základy doxografie. Preložila Anna Varsiková. Obzor. Bratislava, 1973.

Lexique français-grec avec l'explication latine, à l'usage des classes de grammaire et d'humanités: ouvrage entièrement neuf par Fleury de Lécuse. Troisième édition revue et augmentée. Imprimerie et Librairie classiques de Jules Delalain, fils et successeur D'Auguste Delalain. Paris, 1844.

Milko Pavel Úvod do Byzantské filozofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. Řecké myšlení za hranicemi Byzance, 2.–8. století. Syrská tradice. Pavel Mervart. Červený Kostelec, 2009.

Mistrík Erich. Kultúra. Culture // Mistrík, Erich et al.: Kultúra a multikultúrna výchova. Culture and Multicultural Education. Iris. Bratislava, 1999.

Naugle Davey. The greek concept of Paideia — Paideia. DBU Summer Institute in Christian Scholarship. 1–9. In https://www3.dbu.edu/naugle/pdf/institute_handouts/paideia/notes.pdf

Neupauer Eduard & *Filosofie v Byzanci.* Dvě metodologické studie. Západočeská univerzita v Plzni. Plzeň, 2011.

Ostrogorsky Georg. Geschichte des byzantinischen Staates. Verlag C. H. Beck. München, 1952.

Řecko-český slovník. Zostavovateľ Václav Prach. Scriptum. Praha, 1993.

Störig Hans Joachim. Malé dějiny filozofie. Preložili Rezek, Petr — Petříček, Miroslav — Šprunk, Karel. Zvon. České katolické nakladatelství. Praha, 1992.

Tatakis B. La philosophie byzantine (Histoire de la Philosophie, par E. Bréhier, deuxième fascicule supplémentaire). Presses Universitaires de France. Paris, 1949.

Teologický slovník k Novej zmluve III–IV (Théta – Ný). Vybral a preložil Ján Greško. Tranoscius. Liptovský Mikuláš, 1987.

Tomsa Bohuš. Idea spravodnosti a práva v Řecké filosofii. Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, s.r.o. Reprint původního vydání z roku 1923. Právnická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave. Bratislava/Plzeň, 1923/2007.

Vavřínek Vladimír. Úvod. In: Zástěrová, Bohumila et al. 1992 (dotlač 1996). Dějiny Byzance. Academia. Praha, 1992. C. 5–20.

Zozul'ak Ján. Štúdium byzantskej filozofie v Európe a na Slovensku // Konštantínove listy / Constantine's Letters. 2017. 10/1. C. 3–10.

Zozul'ak Ján: Byzantská filozofia. Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, s.r.o. Plzeň, 2017.

Zozulak Jan. Inquiries into Byzantine Philosophy. Peter Lang Publishing, 2018.

Zozul'ak Ján. Interaction of philosophy and natural sciences in Byzantine Empire // Komunikácie / Communications. 2018. N°3. Vol. 20& 1A. C. 8–15.

Zozul'ak, Ján — Valčo, Michal: Byzantine Philosophy of the Person and its Theological Implications. Bogoslovni vestnik/Theological Quarterly 78 (2018) 4. C. 1037–1049.

References

Averintsev Sergey Sergeevich: *Evoľucija Filozofskej mysli* [The evolution of philosophical thought]. In: *Byzantine culture. IV — the first half of the VII century*. M.: Nauka publisher, 1984. Pp. 42–77.

Biblija: *Knigi Svjaščonnogo Pisanija Vetchogo i Novogo Zaveta* [Bible: Books of Scripture of the Old and New Testaments]. Moscow: Russian Bible Society, 1994.

Delfová, Hanna — Georg-Lauerová, Jutta — Hackeneschová, Christa — Lemckeová, Mechthild: *Lexikón filozofie* [Lexicon of philosophy]. Translated by Ladislav Kiczko. Obzor publisher. Bratislava, 1993.

Devambež, Pierre — Schuhl, Pierre-Maxime — Flacelière, Robert: *Lexikon gréckej civilizácie* [Lexicon of Greek civilization]. Translated by Soňa Hollá, Viera Štetinová. Tatran publisher. Bratislava, 1997.

Diatka, Cyril: *Cesta* [The Way]. In: *Tradičia a prítomnosť misijného diela sv. Cyrila a Metoda* [Tradition and Presence of the Missionary Work of St. Cyril and Methodius]. Published by the Constantine the Philosopher University. Nitra, 2013. Pp. 593–597.

Dictionnaire de la langue française par Émile Littré. Tome quatrième Q–Z. [Dictionary of the French language by Émile Littré]. Volume four Q-Z. Bookstore Hachette et Cie. Paris / London, 1874.

Dictionnaire français-grec composé sur le plan des meilleurs dictionnaires français-latins et enrichi d'une table des noms irréguliers, d'une table très complète des verbes irréguliers ou difficiles et d'un vocabulaire des noms propres / par MM. Alexandre, Planche et Defauconpret [French-Greek dictionary composed in terms of the best French-Latin dictionaries and enriched with a table of irregular names, a very complete table of irregular or difficult verbs and a vocabulary of proper nouns / by MM. Alexandre, Planche and Defauconpret]. Bookstore by L. Hachette et Cie. Paris, 1861.

Dictionnaire français-grec suivi d'un vocabulaire des noms propres, par Eugène Talbot [French-Greek dictionary followed by a vocabulary of proper names, by Eugène Talbot]. 13th edition. Delalain brothers, successors. Paris, 1894.

Ivanov Vyacheslav: *Sobranije sočinenij* [Collected Works]. Volume 4. 1971-1987. T. 3. [Tom 4. 1971–1987. T. 3]. Brussels, 1987.

Jaworska-Wołoszyn, Magdalena: *Przegląd badań nad myślą bizantyjską w Polsce* [An Overview of Research on the Byzantine Thought in Poland]. In: *Konstantínove listy* [Constantine's Letters], 10/1, 2017. Pp. 12–24.

Ježek, Václav: Budoucnost byzantologie v kontextu myšlení S. S. Averinceva [The Future of Byzantology in the Context of Thought of S. S. Averinceva]. In: Synergia. Časopis venovaný byzantským dejinám, kultúre a teológii [Synergy. Magazine devoted to Byzantine history, culture and theology], 5/№°1, 2009. Pp. 27–37.

John Paul II.: Ut unum sint. Published by Spolok sv. Vojtecha. Trnava, 1996.

Kahn, Charles H.: Užití termínu ΚΟΣΜΟΣ v rané řecké filozofii [Use of the term ΚΟΣΜΟΣ in early Greek philosophy]. In: Kosmos a živly [Cosmos and elements]. ΟΙΚΟYΜΕΝΗ. Edice PomFil publisher. Praha, 1992.

KATA IOANEN [JOHN]. In: The Greek-English New Testament. Deutche Bibelgesellschaft Seventh edition. Stuttgart, 1993.

KATA IOANEN [JOHN]. In: The Greek New Testament. Fourth revised edition. Dictionary. Deutche Bibelgesellschaft. United Bible Societies. Institute for New Testament textual research. Stuttgart/Münster, 1994.

Klimsza, Lucjan: Hermeneutická etika hodnot [Hermeneutic ethics of values]. Ostravská univerzita v Ostravě. Universitas ostravensis. Pedagogická fakulta [University of Ostrava, Faculty of Education publisher]. Ostrava, 2013.

Latinsko-slovenský slovník. Dictionarium latino-slovacum. [Latin-Slovak dictionary. Dictionarium latino-slovacum]. Compiled by Július Špaňár. Slovenské pedagogické nakladateľstvo publisher. Aedes paedagogicae slovacae publisher. Bratislava, 1983.

Legowicz, Jan: Prehľad dejín filozofie. Základy doxografie [Overview of the History of Philosophy]. Basics of doxography. Translated by Anna Varsiková. Obzor publisher. Bratislava, 1973.

Lemerle, Paul: Tatakis (Basile), La philosophie byzantine (Histoire de la Philosophie, par E. Bréhier, deuxième fascicule supplémentaire) [Tatakis (Basil), The Byzantine Philosophy (History of Philosophy, by E. Bréhier, second supplementary fascicle)]. Paris, University Presses of France, 1949, In 8°, VIII + 323 p. Price. 480 fr. In: Revue des Etudes Grecques [Journal of Greek Studies], volume 64, issue 299-301, January-June 1951. Pp. 388–391.

Lexique français-grec avec l'explication latine, à l'usage des classes de grammaire et d'humanités: ouvrage entièrement neuf par Fleury de Lécuse [French-Greek lexicon with Latin explanation, for the use of grammar classes and humanities: entirely new work by Fleury de Lécuse]. Third edition revised and expanded. Classic printing and bookstore by Jules Delalain, son and successor of Auguste Delalain. Paris, 1844.

Milko, Pavel: Úvod do Byzantské filosofie se studií Michala Řoutila Na Východ od Antiochie. Řecké myšlení za hranicemi Byzance, 2.–8. století. Syrská tradice [Introduction to Byzantine philosophy with the study of Michal Řoutil East of Antioch. Greek Thinking Beyond Byzantium, 2.–8. century. Syrian tradition]. Pavel Mervart publisher. Červený Kostelec, 2009.

Mistrík, Erich: [Kultúra] Culture. In: Mistrík, Erich et al.: Kultúra a multikultúrna výchova [Culture and Multicultural Education]. Iris publisher. Bratislava, 1999.

Naugle, Davey: The greek concept of Paideia — Paideia. DBU Summer Institute in Christian Scholarship. Pp. 1–9. In https://www3.dbu.edu/naugle/pdf/institute_handouts/paideia/notes.pdf

Neupauer, Eduard: Filosofie v Byzanci. Dvě metodologické studie [Philosophy in Byzantium. Two methodological studies]. Západočeská univerzita v Plzni [University of West Bohemia in Pilsen]. Plzeň, 2011.

Ostrogorsky, Georg: Geschichte des byzantinischen Staates [History of the Byzantine state]. Publisher C.H. Beck. Munich, 1952.

PROS KORINTHIUS A [CORINTHIANS A]. In: The Greek-English New Testament. Deutche Bibelgesellschaft Seventh edition. Stuttgart, 1993.

PROS KORINTHIUS A [CORINTHIANS A]. In: The Greek New Testament. Fourth revised edition. Dictionary. Deutche Bibelgesellschaft. United Bible Societies. Institute for New Testament textual research. Stuttgart/Münster, 1994.

Řecko-český slovník [Greek-Czech dictionary]. Compiled by Václav Prach. Scriptum. Prague, 1993.

Störig, Hans Joachim: Malé dějiny filozofie [A small history of philosophy]. Translated by Rezek, Petr — Petříček, Miroslav — Šprunk, Karel. Zvon. České katolické nakladatelství publisher. Prague, 1992.

Tatakis, Basil: La philosophie byzantine (Histoire de la Philosophie, par E. Bréhier, deuxième fascicule supplémentaire) [The Byzantine Philosophy (History of Philosophy, by E. Bréhier, second supplementary fascicle)]. University Presses of France. Paris, 1949.

Theological Dictionary of the New Testament III-IV (Theta-Ny). Chosen and translated by Jan Greššo. Tranoscius publisher. Liptovský Mikuláš, 1987.

Tomsa, Bohuš: Idea spravedlnosti a práva v Řecké filosofii [The idea of justice and law in Greek philosophy]. Aleš Čeněk, s.r.o. publisher. Reprint of the original edition of 1923.

Právnická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave [Faculty of Law, Comenius University in Bratislava]. Bratislava/Pilen, 1923/2007.

Vavřínek, Vladimír: Úvod [Introduction]. In: Zástěrová, Bohumila et al. 1992 (dotlač 1996). Dějiny Byzance [History of Byzantium]. Academia publisher. Praha, 1992. Pp. 5–20.

Zozuľak, Ján: Štúdium byzantskej filozofie v Európe a na Slovensku [The Research of Byzantine Philosophy in Europe and Slovakia]. In: Konštantínove listy [Constantine's Letters], 10/1, 2017. Pp. 3–10.

Zozuľak, Ján: Byzantská filozofia [Byzantine philosophy]. Aleš Čeněk, s.r.o. publishing. Pilsen, 2017.

Zozulak, Jan: Inquiries into Byzantine Philosophy. Peter Lang Publishing, 2018.

Zozuľak, Ján: Interaction of philosophy and natural sciences in Byzantine Empire. In: Komunikácie [Communications], N°3, vol. 20, 1A/2018. Pp. 8–15.

Zozuľak, Ján — Valčo, Michal: Byzantine Philosophy of the Person and its Theological Implications. Bogoslovni vestnik [Theological Quarterly] 78 (2018) 4. Pp. 1037–1049.

Pružinec Tomáš,

PhD., Associate Professor,

Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovak Republic,

tpruzinec@ukf.sk

Doc. PhDr. ThDr. Tomáš Pružinec, PhD.

Constantine the Philosopher University in Nitra

Faculty of Arts

Departement of Philosophy

Hodžova 1

94901 Nitra

Slovakia

tpruzinec@ukf.sk